

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

А.П. ЗАОСТРОВЦЕВ

История по Асемоглу–Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста

В статье рассматриваются взгляды Д. Асемоглу и Дж. Робинсона на причины глобальных разрывов в благосостоянии, на природу развития и отсталости. Выявляются наиболее принципиальные моменты в их трактовке исторических событий, особенности применения ими институционального подхода к объяснению человеческой истории. Показана ключевая роль, отводимая ими делению институтов на экстрактивные и инклюзивные, взаимосвязи политических и экономических институтов, образующей порочный круг в случае их экстрактивного и круг добродетели в случае инклюзивного характера. Отмечается, что авторы делают упор на случайный характер исторического развития в связи со случайностью появления критических моментов, вызывающих институциональные сдвиги. Обращается внимание на то, что они связывают долгосрочный устойчивый экономический рост с наличием инклюзивных политических институтов (демократии) и на этой основе не видят перспектив Китая стать глобальным лидером.

Ключевые слова: инклюзивные институты, экстрактивные институты, порочный круг, железный закон олигархии, круг добродетели, критические моменты, институциональные сдвиги, созидательное разрушение, устойчивый экономический рост.

The article discusses the views of Daron Acemoglu and James Robinson on the causes of global gaps in well-being, the nature of development and underdevelopment. The work identifies the most fundamental moments in their interpretation of historical events, especially their use of the institutional approach to the explanation of human history. It is underlined that Acemoglu and Robinson assign the key role to the division of institutions into extractive and inclusive one, the close relationship of political and economic institutions that is responsible for creating the vicious circle in the case of the extractive, and the virtuous circle in the case of their inclusive nature. It is noted that the authors emphasize the random type of historical development in connection with the accidental occurrence of critical junctures causing institutional shifts. The attention is drawn to the fact that they bind the long-term sustainable economic growth with the presence of inclusive political institutions (democracy) and on this basis do not see any prospects for China to become a global leader.

Keywords: inclusive institutions, extractive institutions, vicious circle, iron law of oligarchy, virtuous circle, critical junctures, institutional shifts, creative destruction, sustainable economic growth.

В последнее время явно обозначилась тенденция к созданию экономистами величественных теоретических картин, объясняющих глобальную историю человечества.

Заостровцев Андрей Павлович – кандидат экономических наук, профессор кафедры институциональной экономики Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (Санкт-Петербург).

При этом в процессе их написания сохраняется традиционный для экономики развития подход, когда упор делается на нахождение причин разрывов в благосостоянии между странами и регионами мира. Первой из этой серии работ можно считать книгу индийского экономиста Д. Лала “Непреднамеренные последствия” [Lal, 1998; Лал, 2007]. Несомненно, что к ней же можно причислить книгу Е. Гайдара “Долгое время” [Гайдар, 2005]. Фундаментальной работой такого рода бесспорно является произведение Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста “Насилие и социальные порядки” [North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], ставшее в России (хотя и не только в России) весьма популярным в качестве методологического источника для разного рода публикаций (об этом см. [Заостровцев, 2013^а]). И в этот же ряд, безусловно, должна встать книга Д. Асемоглу и Дж. Робинсона “Почему страны терпят неудачу?” [Acemoglu, Robinson, 2012].

Есть основание предположить, что эти два выдающихся автора множества статей в области экономики развития не просто решили свести вместе все свои предыдущие разработки и идеи но одновременно пытались завоевать не меньшее внимание широкой общественности, чем Норт с его соавторами. В пользу этого говорит тот факт, что традиционная для их публикации насыщенность математическим аппаратом полностью отсутствует в книге, которая может быть прочитана и понята и не получившими высшего математического образования исследователями в области социальных наук. Этим она, например, отличается от похожего по замыслу труда Т. Бесли и Т. Перссона [Besley, Persson, 2011]¹.

У Асемоглу и Робинсона (далее – АиР) поражает прежде всего, масштаб охвата событий во времени и пространстве. Читатель постоянно перемещается из одной исторической эпохи в другую, с одного континента – на другой. Пожалуй, нет такого региона мира, о котором не написали бы авторы. С еще большим разнообразием приходится сталкиваться, когда речь заходит об отдельных странах. Попадая на Африканский континент, узнаешь их точку зрения на то, почему Ботсвана – страна с институтами практически европейского качества, а Сьерра-Леоне или, например, Зимбабве страшно далеки от них. В ходе чтения книги получаешь ответ на вопросы, почему Англия породила промышленную революцию, а СССР не смог долго поддерживать высокие темпы экономического роста. Видишь связь институтов древних империй и испанских колоний с современным положением дел в Латинской Америке, ее отставанием от северной части американского континента – США и Канады. Находишь объяснения прорывов всем известных своими успехами стран Юго-Восточной Азии наряду с не очень оптимистической оценкой будущего Китая. Колониальное и даже доколониальное прошлое многих стран тесно переплетается с днем сегодняшним, а корни экономических успехов стран-лидеров нашего мира уходят в глубину веков.

Такой грандиозный размах понадобился авторам для поиска исторических подтверждений их теоретической конструкции – не имея возможности в рамках одной статьи следовать за ними в их многочисленных исторических и географических экскурсах, сосредоточусь на главном – на их институционально-экономическом анализе и следующих из него выводов.

Институты: инклюзивные и экстрактивные

Если у Норта, как известно, “институты имеют значение”, то для АиР только они и имеют значение². При этом на первый план выходят политические институты. Дело

¹ Данное различие подчеркивает У. МакЛеод в рецензии на обе эти книги [MacLeod, 2013, p. 138].

² Авторы отвергают новый географический детерминизм Дж. Сакса, а также концепции, выделяющие культуру в качестве причины глобальных межрегиональных и межстрановых разрывов в уровне развития. Polemике с ними посвящена специальная глава, названная “Теории, которые не работают” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 45–69]. Ответ Сакса содержит развернутую критику исключительной концентрации АиР на институтах [Sachs, 2012]. Замечу также, что пишущие о развитии и отсталости экономисты, как правило, не склонны игнорировать культуру и обычно либо выделяют ее в ряду нескольких факторов, влияющих на

в том, что последние свидетельствуют о способности граждан контролировать политиков и влиять на их поведение. А она, в свою очередь, определяет, будут ли политики агентами граждан (пусть и несовершеннолетними) или же станут постоянно злоупотреблять возложенной на них властью. В первом случае они выстроят полезные для роста экономические институты. Во втором – будут накапливать личные состояния, следуя, во вред гражданам, своей собственной линии и сознательно создавая для этого неэффективные экономические институты³. Только правильно организованные политические институты в состоянии гарантировать стабильность и устойчивое развитие, поскольку закрепляют уверенность в верховенстве закона и безопасности прав собственности. Они исключают риск захвата власти диктатором, который изменит правила игры, экспроприирует богатство, заключит бизнесменов в тюрьму или станет угрожать их жизням.

В итоге АиР делают следующее заключение о роли экономических и политических институтов: “В то время как экономические институты имеют решающее значение в определении того, будет ли страна богатой или бедной, это политика и политические институты определяют, какие экономические институты страна будет иметь” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 43].

В центре учения АиР о развитии и отсталости находится деление ими институтов на инклюзивные (*inclusive*) и экстрактивные (*extractive*)⁴. Соответственно, экономики стран, где преобладают первые, называются инклюзивными, а те, в которых доминируют вторые, – экстрактивными.

Согласно определению авторов, “инклюзивные экономические институты ... – это те, которые позволяют и поощряют участие больших масс людей в различных видах экономической деятельности, приносящих наилучшее использование их талантов и мастерства и дающих индивидам делать тот выбор, который они желают”. И далее: “С тем, чтобы быть инклюзивными, экономические институты должны гарантировать безопасность частной собственности, непредвзятую систему права и предоставление общественных услуг, которые создают ровное игровое поле, где люди могут обмениваться и заключать контракты; они также должны разрешать вход новых бизнесов и позволять людям выбирать их карьеры” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 74–75].

В центре того, что АиР называют инклюзивными институтами, находятся гарантии прав собственности, ибо только при наличии таковых есть желание инвестировать и повышать производительность. Инклюзивные экономические институты названы “двигателями процветания”: они создают инклюзивные рынки, которые не только предоставляют людям право свободно выбирать деятельность, более всего отвечающую их талантам, но дают им возможность реализовывать это право. Обладающие хорошими идеями в состоянии начать свой бизнес, а наемные работники включаются в те виды деятельности, где их производительность самая высокая. Причем на этих рынках менее эффективные фирмы могут быть заменены более эффективными.

успехи и неудачи различных стран, либо рассматривают как органическую составляющую понятия “институты” (см., например, [Aoki, 2011; Jellema, Roland, 2011], а также обзор различных взглядов на проблему институциональных изменений [Brousseau, Garrouste, Raynaud, 2011]). Норт же, напротив, включает институты в понятие “культура”: “Культура общества – это кумулятивная совокупность всех существующих представлений и институтов” [Норт, 2010, с. 124]. Позиция АиР, отделяющая институты от культуры, с моей точки зрения, нуждается в уточнении, ибо они не дают общих определений ни институтов, ни культуры как таковых.

³ АиР нигде не допускают, что выбор плохих институтов может быть не только инициативой неподконтрольных политиков, но и заказом, переданным им их избирателями. Они, можно сказать, исходят из презумпции невинности народного суверенитета (“народ не может ошибаться”). Поэтому прогресс ассоциируется у них с расширением инклюзивности: включенности масс в общественную активность. Это представление об эффективности демократии в силу присущего ей плюрализма, выстроенное по аналогии с теорией эффективности конкурентного рынка, характерно для чикагской экономической школы (об этом см. [Tollison, 2004]). Ей в этом вопросе противостоит виргинская школа общественного выбора, рассматривающая “провалы демократии” как результат электорального выбора [Каплан, 2012; Rowley, Vachris, 2004; Caplan, 2004]. Об этом же убедительно пишет и американский политолог Ф. Закария [Закария, 2004].

⁴ Термин “экстрактивные институты” и их характеристика впервые появляются в статье Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001]. Что же касается термина “инклюзивные институты”, то, как отмечают сами АиР, он был предложен им Т. Бесли [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 468].

Инклюзивные институты также прокладывают путь таким двигателям прогресса, как технологии и образование. Устойчивый экономический рост почти всегда сопровождается технологическими улучшениями, которые делают факторы производства более производительными. Эти улучшения – результат развития науки и деятельности предпринимателей, способных приложить ее достижения к созданию прибыльных проектов.

С технологиями всегда неразрывно связаны образование, квалификация, компетенции и ноу-хау работников, приобретаемые в учебных заведениях, дома, на работе. Образование и квалификация генерируют научные знания, на которых строится прогресс и благодаря которым технологии внедряются в различные виды бизнеса. И в этом случае тоже важны создающие “ровное поле для игры” экономические институты: они способствуют “производству талантов” и, кроме того, притягивают их со всего мира.

В итоге АиР констатируют, что “способность экономических институтов использовать инклюзивные рынки, поощрять технологические инновации, инвестировать в людей и мобилизовать таланты и мастерство большого числа индивидов является решающим для экономического роста” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 79].

В то же время главная тема их книги, как отмечают они сами, – объяснение того, почему многие экономические институты не способны достичь “этих простых целей”. И здесь самое время обратиться к противоположности инклюзивным институтам – институтам экстрактным. Именно в случае их доминирования “эти простые цели” не достигаются.

Экстрактные экономические институты, согласно авторам, являются таковыми, “потому что они созданы для изъятий доходов и богатства у одной части общества ради выгоды другой его части”. В заключительной главе книги о них говорится как об институтах, “созданных для извлечения ресурсов у многих немногими и неспособных защищать права собственности или создавать стимулы для экономической деятельности” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 76, 430]. Поскольку этими институтами авторы наделяют самые различные общества в прошлом и настоящем – от доколониальной Африки до современного Китая и от сталинского СССР до современной Аргентины – то более точное их определение было бы затруднительно. В принципе можно сказать, что они есть отрицание инклюзивных институтов во всех их базовых качествах.

Экономические институты АиР рассматривают в синергетическом единстве с политическими. Как же видится взаимодействие экономических и политических институтов? Они неоднократно обращаются к этой проблеме в виду ее принципиальной важности [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 79–83, 400–402, 429–431]. Исходя из того, что все экономические институты создаются людьми, для АиР характерен взгляд на политику как инструмент их создания. Этот инструмент используется вполне сознательно, а результат тут – распределение власти в обществе. “Политические институты определяют, кто обладает властью в обществе и для каких целей эта власть может быть использована” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 80].

Если власть сосредоточена у узкого круга и неограниченна, то такую власть авторы именуют нередко абсолютистской⁵. Она строится на экстрактных политических институтах. Эти институты “концентрируют власть в руках узкой элиты и накладывают немного ограничений на ее использование” [Acemoglu, Robertson, 2012, p. 81]. И тогда экономические институты также выстраиваются этой элитой в своих интересах ради извлечения ресурсов у остальной части общества. Экстрактные экономические институты органически сочетаются с экстрактными политическими институтами: ведь именно от присутствия последних зависит их выживание.

В то же время есть политические институты, которые обеспечивают широкое распределение власти в обществе и подчинены ограничениям. Их АиР, в противоположность абсолютистским, именуют плюралистическими политическими институтами. Однако этого еще недостаточно, чтобы быть отнесенными к категории инклюзивных

⁵ Под это определение подпадают не только абсолютные монархии, правившие миром большую часть истории человечества, но также и более поздние тоталитарные и авторитарные режимы.

институтов. Вдобавок требуется эффективная централизация власти, обеспечивающая закон и порядок. Без веберовской “монополии на насилие” можно получить что-то вроде хаоса в Сомали, на который АиР не устают обращать внимание на протяжении всей книги [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 81, 376, 435].

В итоге они заключают: “Мы рассматриваем политические институты, которые достаточно централизованы и плюралистичны как инклюзивные политические институты. Если любое из этих условий отсутствует, то мы относим такие институты к экстрактным политическим институтам” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 81]. Инклюзивные политические институты, основанные на широком рассредоточении власти, искореняют экстрактные экономические институты, которые экспроприируют ресурсы многих, возводят входные барьеры и подавляют работу рынков таким образом, что выигрывают лишь немногие.

Инклюзивные же экономические институты базируются на инклюзивных политических институтах: такие политические институты затрудняют узурпацию власти, и лица, контролирующие политическую власть, не могут легко учредить экстрактные экономические институты ради собственной выгоды. В свою очередь, инклюзивные экономические институты обеспечивают более равное распределение ресурсов и за счет этого способствуют сохранению инклюзивных политических институтов.

Синергетический эффект как взаимное усиление в процессе взаимодействия наблюдается и в отношении экстрактных политических и экономических институтов. Политические институты здесь наделяют контролирующую власть политические элиты способностью выбирать такие экономические институты, которые ведут к их обогащению, а это экономическое богатство, в свою очередь, помогает консолидации их политической власти (например, за счет возможности содержать достаточные вооруженные силы и силы безопасности). Таким образом, экстрактные институты также поддерживают друг друга и в результате обретают устойчивость.

Экстрактные и инклюзивные институты могут сосуществовать, но это сосуществование непрочно. Экстрактные экономические институты при инклюзивных политических институтах вряд ли в состоянии поддерживать себя сколь-нибудь долго. Аналогично, инклюзивные экономические институты не поддерживают экстрактные политические институты: либо они трансформируются в экстрактные к выгоде власть имущих, либо создаваемый ими экономический динамизм дестабилизирует экстрактные политические институты, заменяя их инклюзивными [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 82]⁶.

У экстрактных политических институтов есть одна очень важная отличительная особенность, которую АиР вслед за немецким социологом Р. Михельсом назвали “железным законом олигархии” [Michels, 1962]⁷, и неоднократно обращаются к ней в своей книге [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 110–111, 358–362, 366, 387–388, 402–403, 457–458]. Она заключается в том, что эти институты “могут воссоздавать себя под различными обличиями” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 436]⁸. Впрочем, эта способность к воспроизводству, как видно из приведенной в сноске цитаты, касается не только политических институтов, что логично следует из выбранной АиР схемы взаимодействия этих институтов с экономическими.

В принципе, подчеркивая преемственность определенного типа институтов, авторы фактически описывают то, что в институциональной экономике называется эффектом колеи, или зависимостью от пройденного пути (*path dependency*). Как известно, Норт отводил ему важное значение в определении путей исторических изменений

⁶ Из всего вышесказанного легко заметить, что АиР просто иными терминами (инклюзивные и экстрактные институты) обозначают то, что у Норта, Уоллиса, Вайнгаста определяется, соответственно, как социальные порядки открытого и ограниченного доступа [Норт, Уоллис и Вайнгаст, 2011]. При всем уважении к концепции АиР нельзя не признать, что у Норта с соавторами эта тема разработана более обстоятельно и глубоко, хотя, в принципе, в обоих случаях речь идет об одних и тех же социальных явлениях.

⁷ Впервые работа Михельса была опубликована в 1911 г., естественно, на немецком языке.

⁸ “Когда существующие элиты сталкиваются с вызовом при экстрактных политических институтах и новички прорываются на их место, то они также подвержены немногим ограничениям. Они, таким образом, имеют стимулы сохранять эти политические институты и создавать соответствующий им набор экономических институтов” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 82].

[Норт, 2010, с. 39, 83, 123]. АйР тоже пишут об этом эффекте [Acemoglu, Robinson, 2012, р. 36–38]. Однако в случае с экстрактными институтами идея эффекта колеи послужила им базой для создания концепции “порочного круга” (*vicious circle*)⁹. Отмечая же “наследственные” (воспроизводимые во времени) качества инклюзивных институтов, АйР выдвинули и обосновали концепцию “круга добродетели” (*virtuous circle*). Из этих двух концепций и рассмотрения механизма перехода из одного круга в другой складывается их теория глобального неравенства и исторической общественной динамики.

Круг порока и круг добродетели

Ранее уже шла речь о взаимосвязи и взаимообусловленности экстрактных политических и экономических институтов. В характеризующихся явным доминированием экстрактных институтов государствах власть имущие почти не ограничены в своих действиях по созданию подконтрольных монополий и близких к ним хозяйственных организаций, приносящих средства, которыми они вольны распоряжаться по своему усмотрению. Эти средства распределяются ими между накоплением личного богатства и инвестированием в укрепление существующих экстрактных политических институтов, которое принимает различные формы: щедрую оплату лояльных вооруженных формирований, подкуп судей, фальсификацию выборов и т.д. Ну а достижение политических целей в этой системе едва ли не автоматически расширяет и возможности извлечения ренты из экономической деятельности. Это и составляет суть порочного круга (см. рис.).

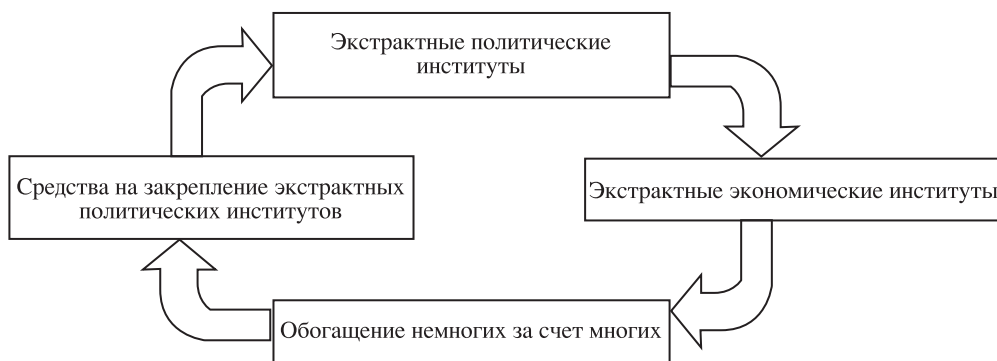

Рис. Порочный круг по Асемоглу–Робинсону.

АйР видят и другую сторону “порочного круга”: экстрактивные политические институты резко повышают ставки в политической игре. Кто контролирует государство, тот контролирует все¹⁰: “...экстрактивные институты создают стимулы для внутренней борьбы ради контроля власти и ее выгод...” [Acemoglu, Robinson, 2012, р. 344]. Это закладывает мощный потенциал политической нестабильности, который при сочетании ряда неблагоприятных обстоятельств буквально разрывает государство и страну, приводя к хаосу и гражданским войнам¹¹.

⁹ Ранее концепция “порочного круга” была представлена ими в соавторстве с Джонсоном в работе “Институты как фундаментальная причина экономического роста” [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005] и нашла свое дальнейшее развитие в статье 2008 г. [Acemoglu, Robinson, 2008].

¹⁰ Очевидно, что “железный закон олигархии” органично встроено в этот “порочный круг”: в обществах с экстрактивными институтами овладение противостоящими властям силами рычагами государственной власти, под какими бы идеологическими лозунгами этот переворот ни совершался, всегда создает искушение выстроить ее столь же, а то и гораздо более бесконтрольной ради собственных выгод по уже имеющимся лекалам.

¹¹ АйР, следуя своей концепции, которую можно назвать “институциональным детерминизмом”, пишут: “Страны становятся провалившимися государствами не по причине их географии или их культуры,

В одной из недавних статей АиР обращают внимание и на проблему, с которой сталкивается политика экономических реформ в системе с экстрактивными институтами [Acemoglu, Robinson, 2013]. Если предпринимаются реальные шаги в направлении устранения внесенных в экономику искажений и, соответственно, повышения ее эффективности, то реформаторы должны обращать внимание и на их возможные политические последствия. Это общее соображение относится не только к попавшим в “порочный круг” странам, но к ним в первую очередь. Успешный экономический реформатор может быть, в конечном итоге, “наказан” политическим провалом.

Далее в статье прямо выражается солидарность с известной позицией Норта и др. [North, Wallis, Weingast, 2009; North... 2013], согласно которой извлекаемая и распределяемая рента в социальных порядках ограниченного доступа (естественных государствах) создает стимул к снижению уровня насилия и поддержания социального мира [Acemoglu, Robinson, 2013, p. 188–189]. Покушение на рентное *statut quo* путем реализации в принципе правильных экономических предписаний способно взорвать ситуацию. Таким образом, АиР, как и Норт со своими соавторами, в этом вопросе подводят теоретическое обоснование под известное россиянам приращение “лишь бы не было войны”¹².

После рассмотрения под принятым теоретическим углом зрения самых разных стран (Сьерра-Леоне, Зимбабве, Мексика, Аргентина, Колумбия, Северная Корея, Узбекистан, Египет) авторы отвечают на вопрос “Почему они терпят неудачу?”. При всем несходстве в географии, культуре, истории и пр., у них есть одна общность: это все те же экстрактивные институты. Естественно, внутри данных институтов есть очень значительные различия от страны к стране. Однако это не отменяет того факта, что все перечисленные страны находятся в ловушке “порочного круга”.

Есть ли выход из него? Прочитую АиР: “Сегодня решение проблемы политических и экономических неудач стран – это трансформация их экстрактивных институтов в направлении инклюзивных. Порочный круг означает, что это нелегко. Но это – не невозможно, и железный закон олигархии – не неизбежность” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 402].

Такое жизнеутверждающее заявление вроде бы противоречит их же пессимистическому выводу о том, что “вы не можете сконструировать процветание” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 446]. Однако, согласно отстаиваемому видению проблемы, таковое появляется как результат набора случайных исторических обстоятельств, складывающихся спонтанно в логическую цепочку шагов, ведущих к появлению и последующему закреплению инклюзивных институтов.

В схеме перехода к ним задействованы два фактора: критические моменты (*critical junctures*) и институциональные сдвиги, возникающие в результате реакции на них. Причем эти сдвиги в ответ на один и тот же критический момент могут быть расходящейся направленности для различных стран и регионов. АиР демонстрируют работу этой пары в первую очередь на примере истории Англии, где она проявила себя наиболее ярко. Первым критическим моментом стала смертоносная эпидемия чумы в XIV в. (“Черная смерть”), которая в результате резкого падения численности населения покончила с крепостным статусом¹³. Этот же критический момент, приведший к исчезновению крепостного сословия (*serfs*) в Англии, вызвал противоположные пос-

но причине наследия экстрактивных институтов, которые сосредоточивают власть и богатство в руках тех, кто контролирует государство, открывая дорогу волнениям, распрям и гражданской войне” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 376].

¹² И не только они. Отстаивающий традиционный неоклассический подход с позиций рационального выбора Е. Халил пишет о том, что в качестве рациональной причины приверженности неэффективным традиционным институтам являются высокие издержки переключения (*switching cost*) с них на эффективные институты, которые и обуславливают то, что получило название “институциональной ловушки” (*lock-in institutions*) [Khalil, 2013].

¹³ Возможно, что дополнительным толчком для Англии было последовавшее вскоре после эпидемии восстание под предводительством У. Тайлера (1381 г.).

ледствия в Восточной Европе, приведшие в конечном итоге к так называемому “второму закреплению”¹⁴.

Следующей “английской удачей” оказалась неспособность английской короны монополизировать атлантическую торговлю в эпоху правления Елизаветы I. Она вынуждена была просить средства у парламента (в то время как испанская монархия буквально купалась в золоте, доставляемом из Южной Америки). В обмен парламент требовал уступок. Одной из таких и стал вынужденный отказ от указанной монополизации. Испанская же монархия прочно закрепила за собой эксклюзивное право на заморскую торговлю. И хотя кортесы формально могли контролировать налоги, королевский двор в них практически не нуждался.

Демонполизация атлантической торговли во многом создала тот независимый класс, который не мог смириться с растущим произволом королевской власти в первой половине XVII в. После серии известных потрясений Англии в результате Славной революции (1688 г.) пришла к конституционной монархии. Парламент добился серьезных полномочий и независимости от короны. Кроме того, что очень важно, создалась такая ситуация, когда ни одна группа интересов в самом парламенте не могла подавить другую. В силу их прямой связи с бизнесом это равновесие означало поддержание конкурентной среды. Не случайно промышленная революция, спустя несколько десятилетий, развернулась именно в Англии.

В этом анализе следует подчеркнуть два момента. Во-первых, случайность событий. Во-вторых, отсутствие необратимости на пути к инклюзивным институтам. Скажем, поражение Англии от Непобедимой армады могло изменить ход мировой истории. А кроме того, то, что продвижение к инклюзивным институтам можно повернуть вспять (*reverse development*) и без всякой армады, АиР хорошо иллюстрируют в разделе “Почему Венеция стала музеем?” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 152–156]¹⁵.

В то же время с какой-то точки достигается устойчивость (необратимость) инклюзивных институтов¹⁶. Включается в работу то, что АиР обозначали как “круг добродетели”. Они видят несколько механизмов его реализации [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 332–334]. Во-первых, логика плюралистических политических институтов делает узурпацию власти очень трудной. Характерен эпизод с Ф. Рузвельтом, когда при доминировании его Демократической партии в обеих палатах Конгресса он не мог протолкнуть решение, окончательно подавляющее права Верховного суда. Конгрессмены, ранее его поддерживающие, рассуждали примерно так: “Сегодня он раздавит Суд, а завтра – нас?”. Сработали сдержки и противовесы в системе разделения властей.

Во-вторых, надо помнить о поддержке инклюзивными экономическими институтами политических институтов такого же рода. В Англии эпохи промышленной революции отсутствие монополий делало узурпацию власти не столь выгодной, и одновременно, неравенство хоть и было высоким, но не в такой степени, как при их наличии. Последнее обстоятельство способствовало поэтапному успеху демократизации в виде расширения избирательного права (достижению все большей инклюзивности) под давлением на элиты массовых движений¹⁷. В книге “Экономическое происхождение

¹⁴ Несмотря на то, что оно проявило себя в полной мере в Восточной Европе значительно позже – в XVI–XVII вв. в ответ на выросший спрос на агропродукцию и сырье со стороны Западной Европы, – источник его АиР видят именно в реакции восточноевропейских феодалов на сокращение рабочей силы после эпидемии: они не стали платить больше, они расширили поместья и стали эксплуатировать труд жестче.

¹⁵ Интересно снова отметить сходство позиций АиР и Норта с его соавторами. Последние отмечают возможность попятного движения в рамках естественных государств: “Зрелые естественные государства могут быстро вернуться к социальным соглашениям, типичным для базисных или даже хрупких государств” [Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011, с. 113].

¹⁶ И опять же у Норта с соавторами мы встречаем похожее заявление. Касается оно устойчивости социального порядка открытого доступа по контрасту с порядком ограниченного доступа. Они утверждают, что до сих пор в истории не было зафиксировано ни одного возвратного движения от первого ко второму [Норт... 2012, с. 19].

¹⁷ В этом вопросе, в отличие от ряда предыдущих, позиция АиР, с одной стороны, и Норта с соавторами – с другой, явно расходятся. Последние прямо заявляют об этом, отводя решающую роль в переходных процессах внутрисэлитным противоречиям и перераспределению прав внутри элиты, а не давлению на нее

диктатуры и демократии” АиР пришли к следующему заключению: “Демократия возникает, когда неравенство достаточно высоко для того, чтобы лишенные права голоса его требовали, но не слишком высоко для того, чтобы элиты нашли выгодным применения репрессий” [Acemoglu, Robinson, 2006, p. 402]. Эта равновесная ситуация, таким образом, рассматривается как условие устойчивости пути становления демократии.

В-третьих, инклюзивные политические институты предполагают наличие свободных СМИ, а они снабжают информацией об угрозах инклюзивным институтам и мобилизуют на их защиту. Однако на сегодняшний день очень актуален следующий вопрос: так ли обязательна полная замена экстрактивных институтов инклюзивными для устойчивого роста национальных экономик?

Тупики авторитарной модели роста и теории модернизации

АиР отвечают на этот вопрос неоднозначно. С одной стороны, “экстрактивные институты, по самой своей логике, должны создавать богатства с тем, чтобы было что извлекать. Монополизирующий политическую власть и контролирующий централизованное государство правитель может привести какую-то толику закона и порядка, системы правил и стимулировать экономическую активность” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 214]. С другой стороны, экономический рост в построенных на экстрактивных институтах социальных порядках со временем исчерпывает себя, не может быть устойчивым. И разного рода “экономические чудеса” в таких социумах (что советское, что нынешнее китайское), в конечном счете, не переводят их в иное качество, если только радикально не меняют политические институты. Однако эта перемена никак и ничем не гарантирована.

Наибольшую актуальность для поиска ответа на поставленный вопрос представляет обращение АиР к Китаю. Сплотившаяся вокруг Дэн Сяопина часть руководства осознала, что экономический рост станет возможным только при серьезных подвижках в направлении инклюзивных экономических институтов. “Возрождение Китая последовало только вместе со значительным отходом от наиболее экстрактивных экономических институтов в пользу более инклюзивных” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 426].

При рассмотрении шага Китая навстречу рынку АиР задействуют характерное для них видение истории. Во-первых, они делают упор на случайность событий, вызывающих институциональные сдвиги. История не обещала, что Дэн Сяопин и его сподвижники выйдут победителями в схватке с так называемой “Бандой четырех”. Во-вторых, они подчеркивают, что “история – это не судьба” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 426]. Что порочный круг может быть разорван и экстрактивные институты заменены инклюзивными. Тем не менее это не происходит автоматически.

И тут мы сталкиваемся с их видением критических моментов. Во время таковых “главное событие или сочетание факторов разрушает существующий баланс политических или экономических сил в стране” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 106]. Для китайского поворота к рынку главным событием стала смерть Мао Дзэдуна и последующий приход к власти реформаторов. Такое рода повороты очень важны, поскольку на пути постепенных улучшений часто стоят непреодолимые барьеры.

В то же время, несмотря на то, что китайские экономические институты несравненно более инклюзивны сегодня, чем три десятилетия назад, китайский рост – это пример роста в рамках экстрактивных политических институтов. Один из соратников Дэн Сяопина метко назвал китайский капитализм “птицей в клетке”. АиР приводят ряд свидетельств политического руководства компаниями и недопущения выхода бизнеса за негласно обозначенные пределы. Права собственности в Китае недостаточно обеспечены, мобильность труда жестко регулируется, имеет место взаимовыгодная

масс [Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011, с. 409]. Это несоответствие взглядов отмечено Н. Плискевич [Плискевич, 2013, с. 47]. Развернутая критика взглядов АиР на роль масс в истории дана П. Беттке в рецензии на их книгу об экономическом происхождении диктатуры и демократии [Voettkе, 2007]. Аргументы Беттке рассмотрены в статье [Заостровцев, 2011, с. 34–35].

спайка между партийным руководством и бизнесом. “В силу партийного контроля над экономическими институтами, размах созидательного разрушения сильно ограничен и останется таковым вплоть до радикальной реформы политических институтов” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 441]¹⁸.

Если говорить о Китае, то АиР придерживаются примерно следующих взглядов на его настоящее и будущее: частичная замена экстрактивных экономических институтов на инклюзивные обеспечила высокие темпы экономического роста, но сохранение экстрактивных политических институтов и, как результат, отсутствие “созидательного разрушения”, неизбежно приведут к его исчерпанию¹⁹. Для АиР характерно и непризнание достаточно распространенного среди их коллег убеждения о том, что Китай открыл альтернативный путь устойчивого экономического роста при авторитаризме, а не при инклюзивных экономических и политических институтах²⁰. Их неправоту АиР видят в том, что достижения Китая обеспечены благодаря переходу от экстрактивных к значительно более инклюзивным экономическим институтам, а не благодаря экстрактивным политическим институтам, которые, по их мнению, только делали этот переход труднее, а не легче [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 442–443].

Наряду с убеждением о несостоятельности поиска в китайской модели развития некой новой панацеи, АиР подвергают критическому рассмотрению и теорию модернизации [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 443–445]. Первое, против чего они выступают, это присутствующее в ней утверждение, что все общества станут продвигаться в направлении более развитого и цивилизованного состояния и, главное, демократии. Вторых, они не приемлют характерного для нее тезиса, что инклюзивные политические институты возникают как побочный продукт экономического роста и, в-третьих, имеющегося в некоторых концепциях модернизации представления о том, что рост доходов и/или более образованная рабочая сила естественным путем подводят общество к появлению инклюзивных институтов и демократии²¹.

В качестве аргументов против теории модернизации фигурирует ссылка на то, что за последние десятилетия во многих странах с преобладанием экстрактивных институтов наблюдались экономический рост, повышение уровня образования и доходов населения. Вот только это все почти не затронуло сам факт доминирования данных институтов, особенно политических. Так, вызванный повышением стоимости экспортируемых природных ресурсов рост в Габоне, России, Саудовской Аравии и Венесуэле не привел к трансформации там авторитарных режимов. Более того, экономический рост в Китае был простимулирован теми, кто контролируют экстрактивные политические институты, так как они стали рассматривать его в качестве не угрозы режиму, а его опоры (в отличие от воззрений до 1980 г.).

Самым сильным свидетельством в пользу теории модернизации считается то обстоятельство, что богатые страны – страны с демократическим устройством, уважением гражданских прав и прав человека. Однако, согласно АиР, каузальность противо-

¹⁸ “До тех пор, пока политические институты остаются экстрактивными, рост будет внутренне ограничен, так же, как это было во многих других случаях” [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 441].

¹⁹ О воззрениях АиР на неразрывную связь шумпетерианского “созидательного разрушения” с инклюзивными институтами и его невозможности при экстрактивных институтах см. [Заостровцев, 2013⁶, с. 20–22]. Страны со смешанными институтами, даже если за какой-то исторический отрезок времени им удастся тем или иным способом совершать впечатляющие экономические прорывы, не имеют перспектив стать лидерами в глобальном развитии.

²⁰ В России подобных воззрений придерживается В. Попов, который полагает, что в Восточной Азии “догоняющее развитие впервые оказалось и оказывается успешным, и потому, что оно основано на принципиально иной, отличной от западной экономической модели и способе выхода из мальтузианской ловушки” [Попов, 2012, с. 59]; (см. также [Попов, 2011, с. 309–321]). Что же это за модель? “Это модель сохранения коллективных (азиатских) ценностей, относительно низкого неравенства и институциональной преемственности...” [Попов, 2012, с. 59]. Не вдаваясь в дискуссию, замечу, что Северная Корея гораздо лучше укладывается в “поповский идеал”, чем современный Китай.

²¹ Развернутая критика теории модернизации с широким использованием фактических свидетельств ее несостоятельности и эконометрического инструментария содержится в двух статьях четырех авторов [Acemoglu... 2008; 2009].

положная. Не богатство создает инклюзивные институты, а напротив, инклюзивные институты – богатство. Общества с инклюзивными институтами демонстрировали на протяжении многих десятков лет обусловленные этими институтами устойчивые темпы роста²². В этом факте и кроется объяснение их богатства.

История еще менее склонна служить подтверждением теории модернизации. Многие относительно процветающие страны превращались в репрессивные диктатуры: Германия и Япония были среди богатых и наиболее индустриально развитых стран в первой половине XX в. и располагали сравнительно хорошо образованными гражданами. Кроме того, можно снова вспомнить об Аргентине. В конце XIX–начале XX в. она по уровню богатства превосходила Великобританию.

АиР формулируют три вывода. Несмотря на то, что они придерживаются точки зрения о невозможности прогнозирования, некоторые из них звучат как прогноз²³. Во-первых, рост в условиях авторитарных экстрактивных политических институтов в Китае, вероятно, продержится еще некоторое время, но не перейдет в устойчивый рост, поддерживаемый подлинно инклюзивными экономическими институтами и созидательным разрушением. Во-вторых, в противоположность заявкам теории модернизации, нельзя рассчитывать на то, что авторитарный рост приведет к демократии и инклюзивным политическим институтам. Китай, Россия и другие авторитарные режимы достигнут его предела раньше, чем они трансформируют свои политические институты в более инклюзивные. В-третьих, раз авторитарный рост не является жизнеспособным в длительном периоде, то он не должен получать одобрения международного сообщества в качестве образчика для других стран, даже несмотря на то, что многие выбирают эту дорогу, поскольку она отвечает интересам доминирующих экономических и политических элит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.

Гуляев Г. Терпение – враг инвестора // Коммерсантъ-Деньги. 2013. № 19.

Закарня Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.

Заостровцев А.П. Дуглас Норт: бегство от неоклассического мейнстрима // Общественные науки и современность. 2013^а. № 4.

Заостровцев А.П. Об историческо-институциональных причинах отставания в развитии: концепция Асемоглу–Робинсона. Препринт М-34/13. СПб., 2013^б.

Заостровцев А.П. Политическая экономия авторитарных режимов и их трансформаций // Финансы и бизнес. 2011. № 4.

Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. Почему демократии выбирают плохую политику. М., 2012.

Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., 2007.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнстат Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

²² Стабильность развитых стран в длительном периоде неплохо описывает реальная доходность акций. С 1871 г. фондовый рынок США с учетом реинвестирования дивидендов приносит около 9% годовых в номинальном выражении и 6–7% в реальном, существенно обыгрывая и инфляцию, и доходность облигаций. В XX в. (с 1900 по 1999 г.) доходность в реальном выражении американского фондового рынка (6,9%) была превышена только на шведском и австралийском. Приблизились к ней – канадский, британский, голландский, ирландский, швейцарский и датский. В то же время аргентинский рынок, один из старейших (первая биржа в Латинской Америке была создана в Буэнос-Айресе в 1895 г.), был закрыт в 1965 г. на 10 лет. При этом 27-процентный (!) годовой рост в долларовом выражении в 1975–1996 гг. не компенсировал прежнего полного краха и обесценения акций, и их вековая доходность оказалась отрицательной [Гуляев, 2013].

²³ Невозможность прогнозирования, согласно АиР, связана прежде всего со случайностью “критических моментов”. Тем не менее разработанная ими теория позволяет им прибегнуть к наброскам будущего в самых общих чертах.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М., 2012.

Плискевич Н.М. Возможности трансформации в России и концепция Норт–Уоллиса–Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации вчера и сегодня // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5.

Попов В.В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему сегодня Китай догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2012. № 3.

Попов В.В. Стратегии экономического развития. М., 2011.

Acemoglu D., Robinson J.A. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge, 2006.

Acemoglu D., Robinson J.A. Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // *Journal of Economic Perspectives*. 2013. Vol. 27. № 2.

Acemoglu D., Robinson J.A. Persistence of Power, Elites and Institutions // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. № 1.

Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York, 2012.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. Institutions as the Fundamental Cause of Long Run Growth // *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam, 2005.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The Colonial Origins of Comparative Development: an Empirical Investigation // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. № 5.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. Income and Democracy // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. № 3.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. Reevaluating Modernization Hypothesis // *Journal of Monetary Economics*. 2009. Vol. 56. № 8.

Aoki M. Institutions as Cognitive Media between Strategic Interaction and Individual Beliefs // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2011. Vol. 79. № 1–2.

Besley T., Persson T. *Pillars of Prosperity: the Political Economics of Development Clusters*. Princeton, 2011.

Boettke P. Daron Acemoglu and James Robinson, *Economic Origins of Dictatorship and Democracy* // *Constitutional Political Economy*. 2007. Vol. 18. № 4.

Brousseau E, Garrouste P., Raynaud E. Institutional Changes: Alternative Theories and Consequences for Institutional Design // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2011. Vol. 79. № 1–2.

Caplan B. Rational Irrationality // *The Encyclopedia of Public Choice*. Vol. II. Dordrecht, 2004.

Jellema J., Roland G. Institutional Clusters and Economic Performance // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2011. Vol. 79. № 1–2.

Khalil E.L. Lock-in Institutions and Efficiency // *Journal of Economic Behavior and Organization*. April 2013. Vol. 88.

Lal D. *Unintended Consequences. The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long-Run Economic Performance*. Cambridge, 1998.

MacLeod W.B. On Economics: a Review of *Why Nations Fail* by D. Acemoglu and J. Robinson and *Pillars of Prosperity* by T. Besley and T. Persson // *Journal of Economic Literature*. 2013. Vol. 51. № 1.

Michels R.W. *Political Parties: a Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York, 1962.

North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. Limited Access Orders: an Introduction to Conceptual Framework // *Shadow of Violence: Politics, Economics and the Problem of Development in Limited Access Orders*. Cambridge, 2013.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: a Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, 2009.

Rowley C.K., Vachris M.A. Efficiency of Democracy? // *The Encyclopedia of Public Choice*. Vol. II. Dordrecht, 2004.

Sachs J.D. Government, Geography and Growth. The True Drivers of Economic Development // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. № 5.

Tollison R.D. *Chicago Political Economy* // *The Encyclopedia of Public Choice*. Vol. II. Dordrecht, 2004.